

СКАИ ДЖЕВС

18+

— ✦ —
ТРИ ГОРОДА ДО ТЕБЯ

Поцелуй над Арно

КНИГА 1

18+

Скай Джевс

Поцелуй над Арно

<https://litres.ru/74689352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга 1 из 3. Бесплатное начало романтической трилогии «Три города до тебя».

Элиза Ферретти приехала в театр работать. Четыре сценических костюма, десять дней до концерта и ни одной причины отвлекаться на мужчину, который слишком красиво улыбается.

Лука Вальенти умеет держаться перед полным залом. Но рядом с девушкой с сантиметровой лентой на шее забывает даже то, как обычно дышит. Во Флоренции трудно не влюбиться — особенно когда после репетиций остаются тёплая набережная, недосказанные слова и желание задержаться ещё на минуту.

Только среди старых вещей Элиза находит нотный лист. Почерк принадлежит её бабушке. А мелодию Лука играет под совсем другой фамилией.

Дальше читайте «Пока Венеция спит» (часть 2), затем «Останься со мной в Риме» (часть 3). История одной пары, три города и завершённый финал. 18+.

Содержание

Глава 1. Отпустите платье	4
Глава 2. Дышать разрешается	14
Глава 3. Чужая подкладка	24
Глава 4. Не по нотам	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Скай Джевс

Поцелуй над Арно

Глава 1. Отпустите платье

Элиза

— Отпустите платье.

Мужчина посмотрел на меня поверх чужого белого плеча.

— Оно упадёт.

— Оно уже сорок лет не падает.

— Значит, сегодня решило начать.

Я поставила сумку, подошла и увидела, что перекладина действительно выскочила из крепления. Он держал её одной рукой, а другой прижимал к себе старое сценическое платье вместе с плечиками. Тонкая ткань свисала почти до пола. Под ней виднелись тёмные брюки, пыльные носки кроссовок и человек, совершенно не подходивший для роли нарядной невесты.

— Не двигайтесь, — сказала я.

— Это третья команда за минуту. Вы со всеми так знакомитесь?

Я взялась за плечики. Он сразу ослабил хватку, но ткань

зацепилась за манжету его свитера. Пришлось подойти ещё ближе. От мужчины пахло мылом, утренним воздухом и кофе, который он, видимо, успел выпить в отличие от меня.

— Тут нитка, — объяснила я, осторожно освобождая петлю.

— Я заметил. Она уже выбрала меня.

Нитка зацепилась крепко. Я подняла глаза, чтобы попросить его повернуть руку, и обнаружила, что он смотрит на меня. Спокойно, с явным удовольствием. Глаза у него были светлые, а лицо — из тех, на которых улыбка появляется раньше, чем человек успевает решить, стоит ли улыбаться.

Мне это сразу не понравилось.

Сегодня, восемнадцатого мая, у меня начиналась первая работа, где в письме стояло «художник по костюмам», а не «помощник». Я собиралась произвести впечатление женщины, которая знает, куда идёт. Пока я успела ошибиться дверью, застрять сумкой в калитке и отчитать незнакомого мужчину за спасение чужого имущества.

— Поверните кисть. Вот так.

Он послушался. Петля освободилась. Я отнесла платье на другую стойку, проверила шов и только потом вернулась за сумкой.

Мужчина всё ещё держал перекладину.

— Мне уже можно двигаться?

— Теперь можно.

Он положил металл на стол. Я машинально отступила, за-

дела локтем собственный стаканчик и увидела, как кофе растекается по верхнему листу папки.

Не по платью. Это я успела понять сразу. И всё равно произнесла слово, которое не стоило делать первым официальным заявлением нового художника по костюмам.

Мужчина подхватил папку за сухой угол.

— Она ещё не утонула.

— Не трогайте. Чернила поплывут.

Он замер. Снова. Я вытащила лист, промокнула край салфеткой и посмотрела на расплывшиеся цифры.

Рост танцовщицы сделался похож на диагноз. Обхват талии тоже не вызывал оптимизма.

— В телефоне есть? — спросил мужчина.

Я медленно подняла на него глаза.

В телефоне было всё. Фотография каждого листа, отдельная таблица, копия письма. Просто я распечатала папку, потому что бумага казалась серьёзнее. Особенно если держать её перед собой и выглядеть занятой.

— Есть.

Он не стал ничего добавлять. Это понравилось мне гораздо больше его улыбки.

Из глубины коридора раздался женский голос:

— Если вы там знакомитесь, делайте это тише. Если ломаете стойку, громче. Мне нужно знать, сколько у нас проблем до девяти.

Мужчина посмотрел на часы.

— Уже две, Марта.

— Тогда пусть третья подождёт.

* * *

Марта Бенедетти носила чёрное так, будто другие цвета оставила людям менее занятым. Короткие волосы, тонкие очки на цепочке, карандаш, которым она указывала на всё, что следовало переделать. Она встретила меня у рабочего стола и сразу посмотрела на мокрую папку.

— Костюмы целы?

— Да.

— Тогда кофе не считается. Покажи эскизы.

Я достала сухую часть. Мужчина со стойкой исчез куда-то за сценой. Уйти красиво ему удалось значительно лучше, чем мне войти.

Камерная «Аурора» занимала несколько тесных помещений, в которых старые двери вели не туда, куда обещали. Вчера я представляла себе театр иначе. Больше бархата, меньше коробок с надписью «не выбрасывать» и резкого запаха утюга. Впрочем, я уже достаточно работала за сценой, чтобы знать: бархат обыкновенно находится с другой стороны стены.

Марта разложила мои рисунки. На первом четыре фигуры стояли в длинных серо-голубых рубашках. Во время танца нижние слои должны были открываться, меняя цвет в дви-

жении. На бумаге это выглядело легко. Ткань лежала у меня в сумке и пока ни с чем не соглашалась.

— Красиво, — сказала Марта.

Я приготовилась благодарить.

— А теперь покажи, как в этом садятся на пол.

Пришлось закрыть рот.

У танцовщицы по моему рисунку были длинные ноги, идеальная осанка и, если честно, никакой необходимости дышать. Я перевернула лист и быстро набросала положение сбоку. Марта смотрела, не помогая.

— Тут разойдётся, — сказала я наконец, ткнув карандашом в боковой шов.

— Угу.

— Можно дать больше свободы. Но тогда вот эта линия...

— Придётся выбрать.

Я почувствовала, как горят щёки. Всю дорогу сюда боялась, что меня разоблачат, и оказалась не готова к тому, что разоблачение займёт меньше десяти минут.

Марта подвинула мне чистый лист.

— Элиза. Я наняла тебя не потому, что ты прислала четыре безошибочных картинки. У меня достаточно картинок. Мне нужен человек, который сможет превратить их в одежду.

— Я смогу.

— Хорошо. Значит, начнём с того, что человек в одежде будет двигаться.

Она показала график. Двадцать восьмого мая — концерт и пластические номера «Нити света». Четыре танцовщика, музыканты, маленькая экспозиция театральных вещей у входа. Мне — четыре образа, часть переделок из готового фонда, несколько новых деталей. Пошив не в одиночку: помощница придёт после обеда, основную работу распределим сегодня. Оплата в письме оставалась той же, что мы согласовали. Марта не предлагала заменить её полезными знакомствами.

От этого мне стало гораздо легче.

— Для экспозиции у твоей бабушки что-нибудь осталось?
— спросила она. — Ты писала в анкете, что она работала с костюмами.

— Осталось. Я спрошу.

— Две-три вещи. Без музейных обещаний. Подпишем, чьи, покажем бережно и вернём.

Я кивнула и записала, хотя телефон всё ещё помнил лучше мокрой бумаги.

* * *

К обеду я распорол пробный шов три раза и перестала пытаться выглядеть человеком, который никогда не рвёт швы.

В пустом зале танцовщица по имени Ирене села на пол в моей пробной рубашке. Повернулась, подняла руки, потяну-

лась за носком. Ткань поползла вверх.

— Так нормально? — спросила она.

— Для тебя?

— Для тебя. Мне пока нормально, но публика узнает обо мне больше, чем я планировала.

Я присела рядом и отметила мелом место, где требовалась другая длина. Ирене посмотрела на моё лицо и улыбнулась.

— Хорошая рубашка. Просто я не очень похожа на рисунок.

— Это рисунок не очень похож на человека.

Она рассмеялась и помогла придержать край.

Мы вернулись к столу, когда за стеной заиграло пианино.

Сначала несколько разрозненных звуков, словно человек проверял, проснулась ли комната. Потом фраза, которую я знала. Не могла вспомнить откуда, но знала точно: сейчас мелодия поднимется выше, задержится и мягко вернётся назад.

Так и случилось.

Моя рука с мелом остановилась.

— Вечером они репетируют дольше, — сказала Ирене, заметив, что я слушаю. — Привыкнешь.

— Я не жалуюсь.

За стеной кто-то оборвал фразу, повторил два такта, затем сердито ударил совсем другой аккорд. Красивое утро мужчины тоже оказалось небезошибочным.

Я почему-то улыбнулась.

После работы я вышла на улицу с меловой полосой на бедре, но с вполне целой профессиональной репутацией. По крайней мере, Марта сказала прийти завтра к девяти. В моём положении это можно было считать взаимностью.

София ответила на звонок с шумом воды на заднем плане.

— Жива?

— Условно. У меня художнический позвоночник и жизнь швеи.

— Приходи. У меня флористические ноги и оливки.

Её лавка была недалеко. Я дошла пешком, придерживая сумку под локтем, прошла мимо двух туристов, которые искали реку, стоя почти у самой реки, и впервые за день заметила Флоренцию.

Город не стал красивее от моей новой работы. В нём всё так же пахло нагретым камнем, едой из открытых дверей и чужими духами. Мотороллер проехал слишком близко, женщина на углу громко требовала кого-то наконец спуститься. Но мне вдруг захотелось задержаться. Не бежать домой считать, сколько дней осталось до следующей оплаты комнаты, а просто пройти лишний квартал.

София сидела среди ведёр с цветами и пыталась спасти букет от собственного кота. Кот не принадлежал ей, приходил из соседнего двора и считал это несущественным юри-

дическим уточнением.

— Как назвала? — спросила я.

— Никак. Если назову, придётся записать в расходы.

Она сунула мне коробку с оливками и взяла телефон.

— Ну, показывай, за что тебя теперь платно ругают.

Я открыла эскизы. София посмотрела внимательно, не спросила, нельзя ли добавить цветы, и сказала, что второй ей нравится меньше.

— Марте тоже.

— Умная женщина.

— Она сказала, что в нём нельзя садиться.

София достала из моих волос короткую белую нитку.

— А тебе зачем мужчина в театре? Я думала, у вас там сегодня примерки.

— Какой мужчина?

Она повернула ко мне телефон. Я уже поняла по её улыбке, что разговор сейчас станет значительно хуже.

На странице «Ауроры» висела фотография утреннего незнакомца. В тёмном концертном костюме он выглядел гораздо менее случайным человеком. Смотрел в сторону, положив руку на край рояля, и почему-то раздражал меня ещё сильнее.

Под снимком стояло: «Лука Вальенти. Фортепиано. Авторская программа».

— Он держал платье, — сказала я.

— Разумеется. Все так начинают.

Я забрала телефон, увеличила снимок и сразу пожалела. Уголок рта был тот же самый.

Внизу мигнуло уведомление от Марты: «Завтра снять мерки с музыкантов. Вальенти в десять. Только не обливай его кофе».

Я показала Софии.

Она прочитала, медленно положила себе в рот оливку и посмотрела на меня с таким удовольствием, что я забрала всю коробку.

— Тебе достаточно.

— Мне пока очень мало, — ответила она.

Глава 2. Дышать разрешается

Лука

Нико услышал, что я пропустил вход, и закончил фразу без меня. Положил смычок на колено. Подождал, пока я тоже перестану изображать ансамбль.

— Опять платье? — спросил он.

— Что?

— Ты с утра рассказываешь про платье. Подумал, оно теперь играет с нами.

Я посмотрел на ноты. В них не было ничего, что могло объяснить мой промах. Нико знал это не хуже меня.

— Я один раз рассказал.

— Три. Первый — как оно падало. Второй — как ты героически не дал. Третий — что она не сказала спасибо. Но у тебя при этом было такое лицо, будто сказала что-то гораздо лучше.

Я сыграл вступление снова. Нико подхватил, и следующие несколько минут он не мог говорить без ущерба для собственной репутации. Прекрасное свойство виолончели. Почти стоило посвятить ей вечер.

На этот раз всё получилось. «Вечер на воде» я играл

столько лет, что пальцы иногда знали дорогу раньше головы. Дед ненавидел, когда я это замечал. Говорил, что можно безошибочно пройти знакомую улицу и ни разу не поднять глаз.

Когда он умер, я долго не мог играть эту вещь совсем. Потом слишком легко привык к тому, что меня узнают по ней.

Нико убрал инструмент в сторону.

— Свою покажешь?

— Она не закончена.

— Я и не билет купил.

Я перевернул верхний лист. Под ним лежала другая музыка, вся в поправках. Фраза, которую последние недели я постоянно возвращал к одному и тому же месту. В начале мне нравилось почти всё. Дальше начиналось старание убедить воображаемого человека, что я способен на большее.

Воображаемый человек обычно носил лицо моего отца.

Я сыграл. На середине остановился.

Нико некоторое время молчал. Это было хуже любой готовой шутки.

— Начало оставь, — сказал он наконец.

— А остальное?

— Остальное ты, кажется, написал для кого-то, кто сидит в комиссии. Зачем ему столько нот?

Я посмотрел на карандаш у края пюпитра. Хотелось объяснить, что он просто ещё не слышал следующую часть. Следующей части не существовало.

— Не знаю.

— Вот с этого можно продолжить.

Он поднялся, потянул спину и пошёл искать зарядку, которая лежала под его собственным чехлом. Я не стал подсказывать. У дружбы тоже должны быть маленькие радости.

* * *

Отец позвонил, когда в зале начали гасить свет.

— Репетируешь?

— Уже закончили.

— Марта сказала, вы завтра меняете порядок.

— Пока только пробуем переход.

— Мне она сказала «меняете».

Я закрыл крышку рояля и сел на край сцены. Отец не участвовал в повседневной подготовке флорентийского концерта, но всегда каким-то образом узнавал о ней раньше, чем я успеваю придумать, что ответить.

— Это рабочая репетиция, пап.

— Я понимаю. Просто первая половина хорошо выстроена. Там не надо ничего усложнять. Люди приходят послушать музыку, а не смотреть, как мы сомневаемся.

В пустом зале зашуршал пакет. Уборщица посмотрела на меня и подняла два пальца: ещё две минуты. Я кивнул, хотя она не задавала вопрос.

— Я хочу вставить новую вещь.

Отец помолчал.

— Свою?

— Да.

— Ты её закончил?

— Доделываю.

— Тогда сначала доделай. Я только рад, если получится.

Но не убирай ради этого то, на что уже рассчитывают.

Он спросил, удобно ли я устроился, нашёл ли поблизости еду, не нужно ли уточнить обратную поездку. От этого разговор стал сложнее, чем если бы он просто запретил новую музыку. Я мог спорить с человеком, который считает меня недостаточно хорошим. Труднее было сердиться на отца, который заодно помнил, что я опять забуду поужинать.

— Всё есть, — сказал я. — Поезд потом сам посмотрю.

— Конечно. Позвони, как определишься.

Мы попрощались. Я сложил свои листы под привычную программу и некоторое время смотрел, как на белой бумаге проступает тень от края пюпитра.

Уборщица подняла один палец.

Я понял намёк и ушёл.

На улице уже стемнело. Нико ждал у угла, листая телефон. Пальцем придерживал у плеча ремень чехла.

— Нашёл зарядку? — спросил я.

Он посмотрел на меня.

— Ты видел.

— Было любопытно, когда ты перейдёшь к методическо-

му поиску.

— За хлеб платишь ты.

Мы взяли еду в маленьком месте недалеко от площадки. Нико говорил о комнате, которую ему сдали, о соседском телевизоре и женщине, уверенной, что виолончель можно ставить в коридоре рядом с зонтом. Я слушал, смеялся, ел стоя и вдруг поймал себя на том, что смотрю на каждую девушку с большой рабочей сумкой.

Нико заметил. Разумеется, заметил.

— У неё есть имя? Или пока только платье?

— Элиза.

— Уже лучше.

Я откусил хлеб и решил больше ничего ему не рассказывать.

* * *

На следующее утро Элиза пришла ровно в десять. Постучала в открытую дверь, дождалась, пока я уберу руки с клавиш, и только потом вошла.

Вчера она выглядела женщиной, которая собирается принять участие в серьёзной профессиональной встрече. Сегодня — той, которая уже поняла, чем эта встреча закончится: волосы собраны кое-как, рукава закатаны, на шее сантиметровая лента, в пальцах карандаш. На левом запястье синела маленькая черта. Чернила или след от ткани, я не знал.

— Я больше не угрожаю имуществу, — сказал я.

Она посмотрела на рояль.

— Музыкальный отдел решает это без меня.

— А вы?

— Я снимаю мерки.

Она разложила на стуле чистые листы, вынула из сумки кусок ткани и попросила встать.

— Кофе не хотите? — спросил я.

Элиза подняла глаза.

— Это будет ходить за мной весь проект?

— Думаю, до первого настоящего промаха с моей стороны.

— Тогда недолго.

Мне пришлось отвернуться, чтобы улыбка не помешала ей работать.

Она попросила снять свитер. Я стянул его через голову, остался в тонкой футболке и сразу почувствовал, что в комнате стало прохладнее. Элиза обошла меня, посмотрела на плечи, коротко коснулась ткани возле шва.

— Обычно как сидите за инструментом?

— Плохо, если верить Нико.

— Мне нужно увидеть, что происходит с рукавом. Можно показать без страдания?

Я сел к роялю. Положил руки так, как просила. Она присела сбоку, проверила, насколько поднимается край, поставила отметку на своём листе.

— Новую рубашку не нужно утягивать. Вы руками работаете.

— В другие дни они тоже при мне.

— А вы всё время будете так отвечать?

Я повернулся. Она не улыбалась, но в уголках глаз уже пряталось то, что делало её строгий голос совершенно неубедительным.

— Только если вы будете продолжать.

Элиза посмотрела на меня ещё секунду и первой опустила глаза к ленте.

Когда она попросила снова встать, я сделал это слишком быстро. Стул скрипнул. Я зачем-то поправил футболку, хотя она ничему не мешала.

Элиза оказалась близко. Обвела ленту вокруг груди, придерживая один конец двумя пальцами. Я смотрел поверх её головы на открытую дверь и вдруг очень ясно слышал, как она дышит. От волос пахло чем-то чистым и слабым, вроде тёплого белья. Вчера я заметил её рот. Сегодня обнаружил, что не умею спокойно смотреть на маленький участок шеи возле выбившейся пряди.

— Вдохните, — сказала она.

Я вдохнул.

— Обычно.

— Это был обычный.

— Тогда на концерте вам потребуется меньше воздуха, чем я думала.

Я рассмеялся, лента сдвинулась. Элиза подняла на меня глаза и наконец улыбнулась открыто.

На несколько секунд я совершенно перестал понимать, что нужно делать с руками.

Она записала число и отошла.

— Хорошо. Дышать разрешается.

— Спасибо. Марта согласовала?

— Она передала мне полномочия до половины одиннадцатого.

Я поднял свитер. Элиза уже складывала вещи, но ткань с её эскизом зацепилась за край стула и развернулась. На рисунке четыре фигуры двигались в разные стороны. Нижний слой рубашек светился медным, почти рыжим.

— Можно посмотреть?

Она задержала руку.

— Это рабочее.

— Я тоже пока не в афише живу.

Элиза положила лист на закрытый край инструмента, подалеже от клавиш. Я наклонился.

— Почему у второй цвет темнее?

— Потому что она поворачивается позже. Я хочу, чтобы на первом движении все казались одним цветом, а дальше расходились. Не фокус. Просто маленькая разница, которая сначала не видна.

Я посмотрел на рисунок ещё раз. Вчера у Марты мне объясняли свет и порядок выходов; из объяснения я запомнил

только места, где мог ошибиться. Теперь впервые увидел, что они все пытаются сделать.

— Тогда на втором повторе лучше дать вам время, — сказал я.

— Что?

Я сел, нашёл нужное место и сыграл медленнее, оставив маленький промежуток между двумя фразами. В зеркале сбоку отражалось, как Элиза сначала смотрит на лист, потом на мои руки.

— Вот, — сказала она. — Только я не знаю, можно ли менять ради ткани.

— Я ещё не подписывал договор с тканью. Можно спросить Марту.

Она засмеялась, сняла ленту с шеи и свернула. Из комнаты уходить, кажется, больше не торопилась. Я сыграл фразу ещё раз. Не ту, которую предстояло поправить. Другую, собственную, всего несколько тактов.

Элиза слушала, стоя возле двери.

— Это тоже в программе?

— Пока нет.

— Жаль.

Я не успел спросить, почему. Из коридора позвали её по имени. Она собрала листы, кивнула мне и вышла, оставив на спинке стула короткую белую нитку.

Я снял её, собираясь выбросить, и вдруг рассмеялся.

Нико, вошедший через минуту, застал меня со свитером

в одной руке и этой нелепой ниткой в другой.

— Платье передало привет? — спросил он.

Глава 3. Чужая подкладка

Элиза

Коробка от бабушки оказалась тяжелее, чем выглядела. Курьер поставил её у двери «Ауроры», попросил расписаться и исчез прежде, чем я успела решить, кто понесёт внутрь сорок лет чужой театральной жизни.

Наклейка занимала половину верхней крышки. Под ней бабушка собственноручно написала: «Элизе. Не выбрасывать ткань».

Это было гораздо больше похоже на неё, чем «целую».

Я присела, попробовала поднять коробку и поняла, что Роза всё-таки приложила историю целиком.

— Можно помочь? — спросила Марта, появляясь в дверях.

Я чуть не ответила «сама». Вчерашняя беседа о людях, которым необходимо двигаться в одежде, уже кое-чему меня научила.

— Нужно.

Мы занесли коробку вдвоём. Марта отрезала скотч, достала верхний свёрток, и на серую столешницу легла тёмно-зелёная накидка с потёртой бархатной лентой.

— Хорошая вещь, — сказала она.

Я осторожно перевернула край. На подкладке осталась маленькая бирка с бабушкиными инициалами. Внутри моей головы Роза всегда существовала примерно в той одежде, в которой я видела её по воскресеньям: свободная кофта, карманы, в одном платок, в другом какая-нибудь абсолютно необходимая пуговица. Мне было трудно совместить эту женщину с человеком, который придумал глубокую складку у воротника так, чтобы ткань двигалась от одного поворота головы.

Марта коснулась бархата.

— Она шила сама?

— И придумывала тоже. В молодости.

— Это видно.

Мне захотелось немедленно позвонить бабушке и пересказать эти два слова. Неприлично сильно. Словно одобрение относилось ко мне и можно было унести его в собственный карман.

В коробке лежали ещё жилет, широкая шёлковая юбка и несколько плоских бумажных пакетов. В одном оказалась подкладка, отпоротая от давно разобранного костюма. Бабушка прислала её, вероятно, ради ткани: тонкий тёплый серый, почти лиловый на сгибах. Я развернула, проверила край и почувствовала под пальцами что-то жёсткое.

— Там картон? — спросила Марта.

Я просунула пальцы в старый открытый шов. Бумага за-

стряла между слоями и не хотела выходить. Пришлось положить ткань обратно, освободить угол, потом ещё один. Наконец я вытащила сложенный лист.

На нём были ноты.

В левом верхнем углу — две буквы, «R. V.». Ниже, возле перечёркнутой строки, бабушкиным почерком: «Venezia, 1974».

Марта посмотрела через моё плечо.

— Для выставки это даже лучше. Только сначала спроси, можно ли показывать.

Я кивнула. Под ладонями лежала не музейная редкость. Обычный пожелтевший лист с мягкими сгибами, в одном месте продавленный почти насквозь. Кто-то много раз складывал его, носил, расправлял, снова прятал. На полях виднелись короткие слова и маленькая стрелка, нарисованная с таким нажимом, будто от неё зависело больше, чем направление музыки.

Я узнала почерк раньше, чем подумала, почему мне знакомы ноты.

* * *

Пока Марта ушла к световикам, я сфотографировала лист и позвонила Розе.

Она ответила не сразу. В трубке шумело движение, кто-то говорил рядом. Бабушка велела этому человеку не ждать

её и только потом поздоровалась со мной.

— Получила?

— Ты прислала полшкафа.

— Не полшкафа. Там ещё осталось.

— Марте очень понравилась зелёная накидка.

Роза ненадолго замолчала. Я слышала, как она прикрывает микрофон ладонью, чтобы повторить кому-то: «Иди, я догоню».

— Ленту не гладьте сверху, — сказала она наконец. — Она плохого обращения уже не выдержит.

— Я знаю. Бабуль, там ещё лист оказался. Между тканью. С нотами.

Теперь молчание стало другим. В нём не было соседского голоса и хлопнувшей дверцы машины. Я даже проверила, не оборвалась ли связь.

— Какой лист?

— Серый такой, старый. «Венеция, семьдесят четвёртый». И твои буквы. Роза Витале?

Она медленно выдохнула.

— Да. Это моя запись. Я думала, потеряла её.

Я провела ногтем вдоль сгиба, не нажимая.

— Можно его тоже показать? Марта спрашивает.

— Пока не надо, Элиза.

Голос прозвучал так быстро, что я сразу отняла руку от листа, словно она могла увидеть.

— Хорошо.

— Остальное показывайте. Этот положи отдельно. Не выбрасывай, ладно?

— Я ничего твоего не выбрасываю.

— В последний раз ты сказала, что у меня коробка с коробками.

— У тебя три коробки с коробками.

Бабушка коротко рассмеялась. Из трубки снова донёсся чей-то голос; её звали идти. Она сказала, что обещала подружке прийти к обеду и уже опаздывает.

— Привезёшь, когда приедешь, — добавила она. — Я хочу посмотреть сама.

— Я ещё не знаю, когда смогу. У меня до конца месяца работа.

— Я не тороплю. Только береги.

Мы попрощались. Я убрала лист в отдельную папку, подписала «Роза. Вернуть лично» и неожиданно почувствовала себя маленькой. В детстве бабушка так же коротко говорила «пока не надо», когда я тянулась к ножницам, которые ещё не умела держать.

Сейчас я умела держать ножницы. От этого её интонация почему-то не стала менее убедительной.

* * *

После обеда выяснилось, что у моего прекрасного сценического серого есть недостаток: при определённом свете он

выглядел грязным.

Не дымчатым, не глубоким, не «интересным сложным оттенком», как я надеялась объяснить. Просто так, будто вещь очень давно не стирали.

Ирене вышла на сцену. Марта посмотрела из зала, велела повернуться, потом посмотрела на меня.

— Ну?

— Плохо.

— Хорошо. Значит, видим одно и то же.

Я стояла возле первого ряда с зажатой в ладони булавкой и перебирала все способы сказать, что при другом освещении будет лучше. Свет был нужен программе. Моя ткань была нужна мне. Пока это не становилось общим интересом.

— Можно попробовать другой нижний слой, — сказала я. — Не такой холодный.

— Пробуй. До завтра. Сегодня остальные не останавливаем.

Она вернулась к репетиции. Ирене принесла мне рубашку и сказала, что в ней хотя бы удобно. Я поблагодарила так искренне, что она посмотрела с сочувствием.

Из-за кулисы вышел Лука. Уже в свитере, который я утром попросила снять. У меня почему-то сразу вспыхнуло воспоминание о том, как под лентой двигалась его грудь.

Очень неподходящее профессиональное наблюдение.

— Не получилось? — спросил он.

— Получилась прекрасно одетая катастрофа.

Он посмотрел на ткань, которую я держала.

— Мне в зале показалось темнее, чем на рисунке.

Я подняла глаза.

— Да. Мне тоже.

Он не сказал, что всё равно красиво. Не попытался утешить тем, что не заметил разницы. Просто остался рядом на секунду, пока я складывала рукав.

— Я могу потом сыграть кусок, если нужно проверить движение ещё раз, — предложил он. — После репетиции. У меня есть полчаса.

— Я сначала попробую исправить цвет.

— Хорошо.

Он уже собирался уйти, когда заметил торчащий из сумки угол снимка. Я распечатала фотографию бабушкиного листа, чтобы показать ей, как он выглядел до возможного восстановления сгибов. Вышла плохая копия: тень от моего телефона закрывала край.

— Это ваши ноты? — спросил Лука.

— Бабушкины.

Он улыбнулся.

— У вас в семье все работают с листами, на которые нельзя проливать кофе?

— У нас в семье это естественный отбор.

Мы оба засмеялись. Он не попросил дать посмотреть, а я почему-то не предложила сама. Бабушкино «пока не надо» всё ещё лежало поверх бумаги.

Вечером я села за рабочий стол в своей комнате и разложила три варианта ткани.

Комната была маленькая. Если отодвинуть стул полностью, дверь шкафа уже не открывалась. Зато окно выходило во двор, где никто не фотографировался с чужим мороженым. Моя хозяйка сдавала соседнюю комнату студентке, которая играла на флейте значительно меньше, чем обещала при знакомстве. Обычно это считалось преимуществом. Сегодня мне хотелось спросить, умеет ли она читать старые ноты.

Я всё-таки не пошла стучать.

Достала лист. Положила рядом бабушкину открытку с Рождества. Одни и те же острые буквы, хвостик у «R», длинная черта, если слово не понравилось. Писать музыку Роза умела. В детстве она ставила меня за пианино и заставляла подобрать короткую мелодию на слух. Я предпочитала вырезать из бумаги платья для кукол. Бабушка считала, что это не уважительная причина забыть, где находится до.

Я не стала хорошим музыкантом. Но первые ноты здесь могла разобрать.

Постучала пальцами по столу, тихо пропела начало. Сбилась, посмотрела снова. То, что звучало в голове, не совпадало до конца с тем, что получалось из моего голоса, и всё

же где-то я это знала.

Вчера за стеной.

Лука играл фразу, которая поднималась, задерживалась и возвращалась назад. На бабушкином листе было похожее движение. Не вся музыка, не готовое произведение, по которому можно что-нибудь утверждать. Несколько тактов, написанных за двадцать с лишним лет до моего рождения.

Я нашла программу концерта. Открыла список, медленно провела пальцем по экрану.

«Джулио Вальенти. Вечер на воде».

Вальенти. Та же фамилия, что у человека, который сегодня предложил мне полчаса своего времени так, будто этого вполне достаточно для начала хорошего вечера.

Я взяла телефон, написала бабушке: «Кажется, слышала похожую мелодию. Хочу завтра сверить, а то я музыкант ненадёжный». Не хотелось будить её поздним звонком ради собственного предположения. Утром она увидит.

Потом вернулась к тканям. Один вариант оказался слишком рыжим, другой скучным, третий я до этого считала запасным. Приложила его к пробной рубашке, включила лампу, села подальше и впервые за вечер ощутила, что вещь может получиться.

София прислала фотографию кота в пустой коробке и вопрос: «Пианист уже пришёл извиняться перед платьем?»

Я написала: «Завтра проверим цвет при музыке».

Она ответила одним словом: «Разумеется».

Я выключила уведомления и поставила телефон экраном вниз. Сначала работа. Потом человек со слишком красивыми руками.

На столе под открытым эскизом лежал лист, который бабушка пятьдесят лет считала потерянным.

Глава 4. Не по нотам

Лука

На репетиции я вступил раньше Нико и ещё целых два такта убеждал себя, что ошибся он.

Потом друг перестал играть. Просто снял смычок со струны и посмотрел на меня с терпением, которое всегда означало неприятности.

— Очень смело, — сказал он. — Я к этому месту ещё не дошёл, но ты уже прекрасно справился без виолончели.

Я убрал руки с клавиш.

— Ещё раз.

— С удовольствием. Желательно вместе.

У третьего ряда засмеялась Элиза. До этого я видел только её затылок: она сидела на полу возле открытого ящика с тканью, что-то записывала и время от времени прикладывала образцы к краю сцены. Теперь подняла голову. На щеке тянулась тонкая красная полоска, вероятно от линейки или собственного пальца. Удивительно, сколько вещей я успевал замечать в человеке, с которым был знаком два дня.

— Может, уже на «ты»? — спросил я. — После такого вступления официальность меня добьёт.

— Давай. Но от ответственности это не освобождает.

— Ты тоже считаешь, что я виноват?

— Не могу судить. Я перепутала вас по цвету.

— Нас?

Она указала карандашом на Нико.

— Он сегодня в чёрном. Сразу видно ответственного человека.

Нико поправил манжету с видом победителя. На чёрной рубашке у него не хватало нижней пуговицы, но Элиза пока не заметила. Я собирался сообщить, однако Марта подняла руку и потребовала продолжить.

Мы начали заново. На этот раз я дождался вдоха Нико, услышал, как он удерживает длинную ноту, и вошёл в нужном месте. Короткий сбой исчез из музыки почти сразу. Из головы — нет. Дарио с утра напоминал о программе и времени, отец прислал сообщение про интервью, а я, как обычно, попытался ответить всем сразу и не полностью оказался там, где сидел.

Когда фраза закончилась, Марта остановила нас. Не из-за нот. На площадке сменился свет, и мягкая ткань у края сцены вдруг стала жёлтой, неприятно блестящей, как дешёвая упаковка.

Элиза встала.

— Вот это я и хотела проверить.

Она подняла два образца. Один под лампой почти потерял цвет, другой стал плотнее и тяжелее на вид. Осветитель

изменил угол. Стало лучше для одного и хуже для другого.

— Если убрать тёплый, лица станут мёртвыми, — сказала Марта.

— Не нужно убирать, — ответила Элиза. — Можно поменять нижний слой. И здесь дать чуть меньше прямо в ткань.

Она шагнула на сцену, села на корточки возле стойки и сразу запуталась в длинной бумажной ленте. Попыталась откинуть её ногой, только сильнее обмотала щиколотку.

— Всё под контролем, — предупредила она, заметив, что я встал.

— Я просто хотел посмотреть поближе, как выглядит контроль.

Нико прыснул в ладонь. Элиза подняла на меня глаза и протянула свободный конец ленты.

— Тогда поддержи. С пользой.

Я подержал, пока она высвобождалась. Бумага была исписана цифрами, пометками, несколькими маленькими рисунками. В одном углу красовался сердитый кот, похожий на Марту только выражением лица. Я решил не уточнять сходство.

Элиза приложила новый слой к ткани и попросила меня отойти на два шага, не выпуская край. Встала напротив, посмотрела на свет, затем на пульт.

— Чуть левее. Нет, это моё лево. Вот. Теперь не двигайся.

— Я дышать могу?

— Если тихо.

Она подошла поправить складку, потянулась через мою руку, и я почувствовал её волосы у подбородка. Пахло мылом, пылью от ткани и кофе, который сегодня, к счастью, никому не достался на одежду. На её пальцах были следы карандаша. Она прищепила слой к основе, сдвинула крепление, отступила и улыбнулась.

— Вот.

Под лампой ткань стала живой. Не той, что я видел в ящике, и не той, что висела минуту назад. Свет проходил по ней мягко, удерживался в складке и исчезал на повороте.

— Да, — сказала Марта. — Это работает. Сделай пробник. Не весь комплект, только один участок.

Элиза кивнула так быстро, что прядь упала ей на глаза. Она убрала её запястьем и потянулась забрать у меня ткань. Наши руки встретились. Обычное движение — два человека передают вещь друг другу. Но она почему-то тоже задержалась на полсекунды.

Потом сказала:

— Спасибо. Можешь снова опаздывать к своей виолончели.

— Я играю на рояле.

— Я заметила. Просто хотела проверить, способен ли ты сейчас возражать.

Нико за моей спиной тихо сказал:

— Уже нет.

* * *

К обеду в «Ауроре» стало жарко. Маленький театр умел хранить ночную прохладу ровно до того момента, когда все начинали на неё рассчитывать. Затем воздух густел, и даже дверные ручки казались тёплыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.